

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА

Российское уголовное право выделяет особую группу лиц, страдающих психическими заболеваниями и совершающих в таком состоянии деяния, характеризующиеся повышенной общественной опасностью.

По данным уголовной статистики, за период 2011 г. – первое полугодие 2019 г. процентный показатель применения принудительных мер к лицам, совершившим преступление и страдающим психическими расстройствами, от общего числа осужденных возрос с 0,8 % до 1,3 %. В связи с этим возникает необходимость в совершенствовании мер, направленных на обеспечение безопасности общества от подобной категории правонарушителей, предупреждение с их стороны правонарушений и их излечение.

Как было нами указано, уголовное законодательство в подобных случаях ориентировано на применение особого института – принудительных мер медицинского характера. Принудительные меры затрагивают многие сферы общественной жизни, с ними связано решение комплекса социальных, медицинских и правовых вопросов, и поэтому вполне закономерен интерес к этой проблеме ученых и практиков в области юриспруденции, социологии, психологии, психиатрии.

Множество научных разработок до сих пор не позволяют однозначно уяснить, на чем должны основываться выводы суда о назначении такой меры лицу, совершившему преступление и страдающему психическим расстройством. В частности, в процессе осуществления правосудия важно верно установить степень психического отклонения лица, страдающего психическим расстройством, в целях принятия объективного и справедливого решения по уголовному делу. Необходимо понимать, что ошибки в определении степени психического расстройства обязательно приведут к негативным последствиям в виде применения несоизмеримых с данным состоянием мер медицинского характера, следствием чего с определенной долей вероятности станет ухудшение психического состояния виновного лица.

Из этого следует вывод, что ответственность экспертов, устанавливающих психическое состояние возрастает, как и возрастает зависимость суда от письменного заключения данных лиц. Законность и обоснованность применения исследуемых мер зависит прежде всего от профессионализма правоприменителей и высокого уровня их правосознания.

Кроме того, особенности рассматриваемых дел требуют от всех участников уголовного судопроизводства не только хорошего знания закона, но и представления о судебной психиатрии, патопсихологии и других науках, где объектом изучения является личность, страдающая психическим расстройством.

Определение категории психического расстройства, как правило, проводится в рамках судебно-психиатрической экспертизы. Необъективная оценка экспертами психического состояния обвиняемого в инкриминируемых деяниях вполне способна привести суд к необоснованному вынесению решения по конкретному делу. Так, к примеру, безосновательное решение вынесено Зольским судом Кабардино-Балкарской Республики, в соответствии с которым Н., совершив преступления, предусмотренные ст. 116, п. б, в ч. 2 ст. 131 Уголовного кодекса Российской Федерации, в состоянии невменяемости и был освобожден от уголовной ответственности с применением принудительных мер медицинского характера в виде лечения в психиатрическом стационаре общего типа. Судебная коллегия отменила приговор с указанием на то, что суд не исследовал надлежащим образом психическое состояние виновного и назначил принудительную меру медицинского характера только на основании письменного заключения экспертов, без его надлежащей оценки в судебном заседании.

Российский уголовный закон ориентирует правоприменителей на проведение обязательной судебно-психиатрической экспертизы в судопроизводстве рассматриваемой категории дел. Судебная практика отстаивает позицию о том, что заключение экспертов не может иметь для суда заранее установленной силы и подлежит оценке в совокупности с другими доказательствами. Иными словами, склонность суда к абсолютизации заключения эксперта в качестве доказательства рассматриваемой категории дел не должна быть окончательным аргументом для установки факта психического расстройства лица, совершившего преступление. В подобных ситуациях необходимы четкие, законодательно регламентируемые критерии выбора вида принудительной меры медицинского характера с точки зрения комплексного подхода, позволяющего дифференцированно и индивидуализировано подходить к исследуемой категории лиц в соответствии с целями уголовного законодательства.

Не менее сложна по своему содержанию и сфера исполнения принудительных мер медицинского характера. Кроме лечебной работы она включает проведение периодических врачебных освидетельствований для разрешения вопроса о продлении назначенной меры или изменении ее вида; организацию системы безопасности медицинских организаций, осуществляющих принудительное лечение, и др. Однако только один из

всех аспектов лишь отчасти урегулирован законом, относящийся к основаниям и порядку продления, изменения и прекращения принудительных мер. Остальные выходят за пределы законодательного регулирования.

К сожалению, праведы относят исполнение принудительного лечения к сугубо медицинской деятельности, считая, что регулирование данного института следует осуществлять в рамках медицинского законодательства. Но поскольку институт принудительных мер по своей сути является уголовно-правовым, соответственно, его исполнение должно реализовываться преимущественно в рамках уголовно-исполнительного законодательства. В этой связи позиция авторов, относящих вопросы исполнения принудительных мер к сфере регулирования законодательства о здравоохранении, на наш взгляд, необоснована.

УДК 343.985.

В.С. Красиков

КЛАССИФИКАЦИЯ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ В СФЕРЕ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ

Проблемы дифференциации и классификации осужденных к лишению свободы их размещения по видам исправительных учреждений (установленным в них режимам), а также индивидуализации наказания – это основные элементы системы назначения и исполнения наказания, имеющие собственное целевое назначение. В этой связи необходимо отметить, что уголовная политика государства, направленная на противодействие преступности, по мнению И.Я. Фойницкого, неизбежно решает проблему эффективности «права наказания», которое: «... распадается на право уголовного преследования, право определения наказания и право его исполнения. Действуя в рамках этой политики, применяя на основании решений судебных инстанций наказание и иные меры уголовной ответственности, уголовное и уголовно-исполнительное законодательство Республики Беларусь ставят себе целью исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и другими лицами. Этот сложный процесс конкретизируется в ч. 2 ст. 7 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (УИК) как формирование готовности вести правопослушный образ жизни.

Однако следует отметить, что эффективность «права наказания» проблематично повышать за счет только одного элемента (исполнение наказания), входящего в комплексную систему. Попробовав реализовать новаторские идеи в части назначения и исполнения наказания, уголовно-

исполнительная система Республики Беларусь (УИС) в 2006 г. вернулась к традициям, подтвержденным практикой советской исправительно-трудовой политики в части раздельного (дифференцированного) содержания осужденных к лишению свободы в зависимости не только от степени общественной опасности совершенного преступления, но и предшествующего опыта отбывания наказания в виде лишения свободы.

В рамках сложившейся системы исполнения наказания были найдены эффективные способы организации воспитательной работы с осужденными, способные реально, без существенных материальных затрат, решать задачи их исправления. Так, в 90-х гг. В.Б. Шабановым была предложена и реализована на базе ряда исправительных учреждений Департамента исполнения наказаний МВД Республики Беларусь идея изменения психологического климата отбывания наказания, которая основывалась:

на законодательном закреплении критериев и степеней исправления осужденных как основы внутренней классификации (стал на путь исправления, твердо стал на путь исправления и доказал свое исправление – ст. 116 УИК; злостное нарушение установленного порядка отбывания наказания – ст. 117 УИК);

разработанной А.Н. Пастушенной и В.Б. Шабановым теоретической модели оценочного поведения осужденного в зависимости от его отношения к неофициальным нормам и традициям уголовной среды;

реализации прав и законных интересов осужденных на основе безусловного выполнения ими требований порядка исполнения и отбывания наказания и создания системы безопасности личности осужденных.

Следовательно, дифференциация и классификация осужденных преследуют одни и те же цели уголовной ответственности. Однако первая предусматривает различия в объеме исправительного воздействия, которое необходимо и достаточно для исправления осужденного в зависимости от его возраста, пола, криминальной зараженности, общественной опасности лица и совершенного им деяния, что реализуется в исправительных учреждениях (ИУ) различных видов (для впервые отбывающих лишение свободы и для ранее его отбывавших). Другая предусматривает целенаправленную организацию воспитательной работы в зависимости от поведения осужденного в период отбывания наказания, что предполагает процесс поэтапной классификации на основе степеней исправления, выполнения программ ресоциализации в период отбывания наказания.

Современные исследователи социальной среды осужденных изучали данный феномен в разных аспектах. В основе классификаций групп осужденных рассматривались их направленность по отношению к офи-